

Элла Крылова

МЕРТВЫЙ И ПОХОРОНЕННЫЙ

Элла Крылова

Мертвый и Похороненный

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Крылова Э.

Мертвый и Похороненный / Э. Крылова — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

Это фэнтези-роман о войне. От ее начала до завершения. Мир вымышленный, но внимательный читатель легко определит эпоху и события, послужившие его прототипом. Итак, великий царь-завоеватель ушел в далекий поход, приказав своим подданным объявить его мертвым, если он не вернется к указанному сроку. Он опоздал на три дня, не все слезы еще высохли, не все цветы на пустой гробнице завяли. Царь привез из похода не только трофеи, новые знания и славу. Он вернулся, одержимый идеей новой войны...

© Крылова Э., 2011
© ЛитРес: Самиздат, 2011

МЕРТВЫЙ И ПОХОРОНЕННЫЙ

Похороненный

Дверь за покупателем захлопнулась. «На самом деле он неплохой человек, – подумал я. – Для жреца...» Я опустился в свое кресло за прилавком. Не люблю табуреты, хоть в этом городе торговцам и принято на них сидеть. Идиотское и никому не нужное правило. Знак касты – табуретка о трех ногах. У меня самого такая стоит. В углу. Но сидеть я все равно предпочитаю в кресле.

А что до Бата и его манеры приходить и болтать по душам каждое утро... Что поделаешь, соседи.

Становилось душно. Через пару недель надо будет перебираться в северную столицу. Если успею, конечно. Мой взгляд невольно упал на полку в темном дальнем углу. Сразу над трехногой вычурной табуреткой стояла жаба. Нет, не так – Жаба. Я получил ее после перехода через Пустошь Слепых. И с тех же пор меня так и называли. Не теперь. Тогда.

Царь вернулся три дня назад. На его могиле даже цветы не успели засохнуть... Да, нами правит похороненный царь. Ирония судьбы. Когда он уходил в поход-экспедицию на восток, он повелел объявить себя мертвым и воздвигнуть гробницу, если вестей о нем и его войске не будет ровно три года и один день. Этот срок истек пять дней назад. И в этот же день на мраморный мавзолей установили статую и засыпали белокаменную постройку цветами. Царь был похоронен. До полуночи рыдали плакальщицы. Дворцовая прислуга опустошила подвалы в пользу празднующихся по центральной площади. На улицах вывесили траурные полотнища – черное с красным. И повозки с колокольчиками...

Колокольчики. Традиции. Жара. Мухи. Жрецы. Ворота Процессий. Ворота Торговли. Ворота Скорби. Восемь ворот. Тарма. Южная столица империи. Когда-то я не верил, что царь объявит Тарму столицей. Этот город сдался без боя. Одетые в белое и голубое жрецы вышли к Воротам Процессий, размахивая зелеными ветками. Именно здесь тан превратился в царя.

Звякнул колокольчик над дверью. Я вздохнул и натянул на лицо улыбку.

– Ха! – это был не клиент. Это был тот, кого я ждал все эти долгие три дня. Ждал и боялся, что он придет. И боялся, что не придет. – Я так и знал, что это будешь ты!

– Здорово, Жаба! – блестящий офицер победоносной армии царя, вернувшегося из-за края земли. Старый друг, почти брат. – А где же твои баснословные богатства? Неужели нищенствуешь? Спустил все на бегах?

– Пожертвовал Неназываемым, – проворчал я. – Я тоже рад тебя видеть, Лето. Уже начал бояться, что меня забыли.

Лето усмехнулся. Я задвинул засов. Грубейшее нарушение местных традиций – закрывать магазин в необозначенное время. Я злорадно усмехнулся и вывесил наружу табличку «Закрито». А Лето тем временем расстегнул свою объемистую сумку и извлек оттуда темно-зеленую бутылку в оплетке.

– Наверняка ты такого не пил никогда! – провозгласил он. – Это из страны громадных монументов и треугольных домов. Очень сладкое, тебе должно понравиться.

– Как... там? – спросил я, заглядывая в лицо своего давнего приятеля. Нельзя было сказать, что он состарился. Добавилась пара шрамов, щеки ввалились еще больше. Обветренным и загорелым он был всегда – и до похода не был домоседом и неженкой. Что-то в нем, несомненно, изменилось, только что? Стал мудрее? Повидал что-то, чего я сам не видел? А может...

– Ты не женился случаем в дальних краях? – спросил я. Лето криво усмехнулся.

– У меня сейчас четыре... – он задумчиво прищурился. – Нет. Пять жен. В разных местах. Но это ерунда все, нашел, о чем спрашивать. Скажи лучше, куда ты дел свое богатство? Я же

знаю, что царь отпустил тебя не голым и босым. Тебе же вполне хватало на дворец, прислугу, висячие сады и еще гиены знают что! Ты же вроде не играл никогда...

– Да есть у меня дворец, – устало вздохнул я. – Можешь сходить полюбоваться, он в самом начале Дороги Процессий. Только я его дочери отдал. И она там сейчас со всем семейством и прислугой живет. А себе завел этот магазин. Подумываю, не сменить ли скобяной товар на специи, есть тут у меня на примете один поставщик...

Лето наполнил стаканы.

– А там, Жаба, очень плохо, – сказал он вдруг. – Там горы до небес и люди, много людей. Мы думали, что край земли близко, а оказалось совсем не так. После Страны Монументов мы пересекли три громадных реки, потом пустыню и горы. А за горами – много-много стран. Там живут пигмеи и великаны. Они друг с другом воюют. Царь выиграл в одной битве и проиграл другую. Мы укрылись в храме разумной собаки, а потом царь велел поворачивать назад.

– И что теперь? – спросил я.

– Приказ, – коротко сказал Лето и протянул мне длинный конверт. – Занять прежнюю должность. У нас война.

– Трахнутый вонючей гиеной выкидыш, – прошипел я.

– А вот этого я не слышал, – лицо Лето стало до отвращения серьезным. – Я должен доставить тебя не позднее завтрашнего утра. Или твою голову, если ты вдруг решишь не согласиться.

– Ты всегда приносил хорошие вести, Лето, – я быстро выхлебал содержимое стакана, совершенно не чувствуя вкуса. Ну? Я ждал этого все три дня, как вернулся наш похороненный царь. И почему теперь мне хочется заползти под кровать и выть оттуда, как стая шакалов, сожалея о том, что я не успел сбежать в северную столицу вместе со своим магазином?

– Рад снова служить вместе с тобой, Жаба, – усмехнулся Лето. – Тебе не интересно, с кем мы воюем?

– Нет, – прохрипел я. – Хоть с Парастатом, хоть с кочевниками Дучи, хоть со всем остальным миром.

– Я доложу царю, что ты воспринял приказ с энтузиазмом, – Лето подмигнул и поднялся. – Я пошел. Что делать с вином, разберешься сам. Увидимся утром.

Дверь захлопнулась. Колокольчик еще некоторое время обиженно звенел. «Надо закрыть засов», – подумал я, но вместо этого снова наполнил свой стакан. Вино было темно-фиолетовым, почти черным. И густым, как патока. И таким же сладким. Я, наконец, смог почувствовать его незнакомый вкус. Молодец, Лето. Мы не виделись семь лет, а он до сих пор помнит, что я люблю сладкое. Надо мной все время все потешались, что, мол, как девчонка. Но мне было плевать. Терпеть не мог никогда кислое дешевое вино или еще того хуже – пиво, которое наши солдаты вообще вместо воды пили с тех самых пор, как мы покинули границы Длинной Земли.

Я налил себе еще. Тарма. Когда царь только становился таном, я был одним из его воинов. Я всегда был так себе воякой, знаю с какой стороны меч держать – и то хорошо. Третий шлем с краю в пятом ряду. Хм. Царь... А тогда у него еще было имя. Я и теперь могу его вспомнить, только зачем? Его отец выкинул его и его мать из столицы, объявив ее шлюхой, а его – ублюдком. Царю тогда было... восемь? Девять? Я не помню. А он помнит. На то он и царь. Их приютила моя мать. Мой отец сначала был против, за что потом и поплатился.

Царь стал таном, отобрав у своего отца трон. В семнадцать лет он сколотил банду наемников. Или разбойников? В наших краях эти два понятия мало чем отличались. Длинная Земля – кусок никому ненужной пустынной каменистой местности, где живут только ударенные патриотизмом в голову. Там почти ничего не растет, а из дичи водятся лишь дикие козы, подстрелить которых может только собаку съевший на охоте маньяк. Зато гонору в жителях Длинной Земли хватит на весь остальной мир. Но это все в прошлом...

У отца царя было трое наследников. Кто знает, как захватывается власть, тот понимает, что с ними случилось. Хуже было только отцу, он у царя был самым живучим – смог прожить дней десять без еды и воды. Наверное, его кости до сих пор украшают Холм Ораторов в Длинной Земле, не знаю. Будь я верным подданным царя, я бы не решился снять страшную декорацию. Скелет в короне – хорошее напоминание подлецам о возмездии...

Царь был плохим патриотом. Длинная Земля стала для него тесной сразу же, как только он захватил трон. Став таном, он заявил, что столь гордый народ не должен ютиться в такой заднице, что в мире есть земли более достойные нашей смелости, решительности и прочих достоинств. Он объявил мобилизацию.

Не могу сказать, что был ближайшим соратником царя. Так получилось, что я был его другом детства. Точнее не так, конечно. Другом его был мой старший брат. Он же им и остался до сих пор – Гота, его главный советник и военачальник. Разумеется, Готой его никто теперь не зовет – это домашнее имя. Он стал Дланью тогда же, когда царь надел корону тана. «Что скажешь, моя правая Длань?» – спрашивал его царь. А мой брат ему отвечал... Он был мудр и скор на расправу. Именно он настоял на обязательной смерти наследников тана, хотя старшему было двенадцать, а младшему четыре. «Это сейчас они трогательные детишки, размазывающие сопли по щекам, – сказал Гота тогда. – Но пойдет несколько лет, и любой из них, не задумываясь, всадит тебе в спину нож, мой тан. Наследники не бывают детьми».

А что же я? У меня отыскался другой талант, к мечу и копыю не имеющий никакого отношения. Растущая армия потребовала снабжения, обеспечения и счета. Вот этим всем я и занялся. Я торговец, а не воин.

Бутылка уже подходила к концу, когда колокольчик над дверью забренчал снова. Я с трудом поднял голову и сфокусировал взгляд на вошедшем.

* * *

Сладкое вино Страны Монументов не оставило на утро никаких следов. А может быть, Лето что-то подмешал туда. Какое-нибудь особое снадобье, выпрошенное по большому секрету у нашего колдуна, большого любителя выпить. Он придумал свое адово варево уже давно. Помнится, мы насели на него, чтобы он открыл нам секрет, но ничего не вышло. Мы как раз готовились перейти к более изощренным пыткам, когда появился царь и велел прекратить безобразие. Мы были здорово пьяны тогда. Трезвым я нашего колдуна боялся до икоты. Как и любого другого, впрочем.

Я вспомнил скандал, случившийся вчера под конец бутылки, когда ко мне явился Шапша, представитель главы торговой гильдии, и объявил, что мне за нарушение полагается уплатить штраф. Его счастье, что он пришел с охраной, которая успела его вытащить за дверь до того, как я додумался, что бить дубинкой сподручнее, чем кулаком. Связываться со мной они не стали, пообещали только припомнить все, когда я протрезвею. Я усмехнулся злорадно. Пусть припоминают каптеру царя. Удачи им.

– О, Жаба! – я скривился. Очень надеялся, что уж его-то убили где-то в дальнем походе. И похоронили в самом вонючем болоте. Но нет, вот он, Таска – Яблочный пирог, живой и здоровый. И даже неплохо выглядит. – Царь с утра о тебе уже спрашивал. Я рад тебе, – он криво ухмыльнулся. – Вот уж не думал, что когда-нибудь это скажу.

– И тебе здорово, Яблочный Пирог, – сухо проговорил я. – Уж и не надеялся тебя увидеть...

Я не был во дворце с тех пор, как уволился из армии. Лет семь. Или восемь. С тех пор тут многое изменилось. Впрочем, менял это все не царь, а его наместник и трое жрецов, устранить которых от управления государством царю пока что не удалось. Храмы в Тарме – это и достопримечательность, и головная боль. Местные цари всегда были ставленниками жрецов, и только наш отказался подчиняться этой традиции. Пока он правил сам, жрецы были тише воды, ниже травы. Но когда царь ушел в поход, они снова подняли головы и принялись за старое.

Бат, младший жрец храма Агталы, повадился ходить ко мне под предлогом покупки лампадного масла. Придет, усядется на тот самый трехногий табурет, и сидит. Я думаю, он так часто приходил, потому что знал, кто я. Для большинства я был просто хозяин скобяной лавки, пришедший откуда-то с севера. А не бывший каптер победоносной армии великого царя. Шапша, например, совершенно точно не знал ни про мой дворец близ Дороги Процессий, ни про мою бывшую должность.

На лестнице вновь появились уродливые маски с выпученными глазами – знаки поклонения богам. Я так до конца и не понял, что именно они изображают – лица богов или жрецов. Бат пытался мне как-то объяснить, но видимо я тупой для этих тонкостей. «Свет божества снисходит на поклоняющегося ему, и тот становится подобен богу», – сказал он. В общем, все уроды. Если судить по этим лицам, то поклоняться местным богам лучше всего получалось у страдающих запорами. Правда, в том давнем разговоре я удержал свой комментарий при себе. И хорошо сделал, а то у меня были бы серьезные неприятности, я думаю. Ну ничего, скоро у царя дойдут руки снова снять эти уродливые рожи, и по этой лестнице снова можно будет подниматься без отвращения.

Своей резиденцией царь, как и раньше, выбрал верхнюю террасу. Его еще в первый раз восхитили сады на крышах, а уж многоярусный дворец с фонтанами, колоннами и фруктовыми деревьями, растущими чуть ли не прямо из стен... Покоями царя раньше считались мрачные комнаты, скрытые в толще этой махины. Считалось, что царя должно беречь все, и, прежде всего, стены. Но наш царь решил по-своему, забрался на самый верх и наслаждался оттуда видом на висячие сады. Верхняя терраса не годилась для больших приемов, зато для аудиенций и переговоров – самое то. Только вот подниматься дотуда было долго...

– А ты хорошо выглядишь, – сказал царь после минутного молчания. – Мне тебя не хватало. С тобой моя армия никогда не страдала от голода. Поднимись!

Дурацкое правило опускаться перед царем на колени ввели жрецы. А царю идея пришла по вкусу.

– Я рад, мой царь, что вы так высоко цените мои скромные способности, – ответил я.

– Нас ждет новая война, Жаба.

– Рад быть полезным моему царю и моему народу.

– Нам понадобится оснастить флот.

– Боюсь, у меня нет опыта...

– Я верю в тебя, пройдоха. Лучше тебя никто не справится.

– Повинуюсь, мой царь.

– Я знал, что ты не подведешь.

Я вышел от царя, обливаясь потом. Он тоже изменился, но куда сильнее, чем Лето. Его глаза стали похожи на ножи. Даже когда я на него не смотрел, то все равно чувствовал, как он вскрывает ими мой череп. Надо же, мне удалось даже в мыслях не упомянуть ни единого ругательства. Прав был Гаро Проклятый, сказавший, что настоящие чудеса творит не колдовство, а страх перед ним. А уж этот подонок точно знал, о чем говорил... Он пять битв выиграл без единой потери. И приказал казнить неудачника, которого ранили в шестой.

* * *

Тремя этажами ниже меня догнал Лето.

– Ты будешь вводить меня в курс дела? – спросил я угрюмо.

– Да.

– Хорошо.

Дальше мы пошли молча. Я всей кожей чувствовал какую-то дрянь вокруг. Как будто бросился в озеро с заманчиво-прозрачной водой, а со дня в тот же момент поднялась туча мутной тины. Что за войну затевает наш царь? Я задал этот вопрос вслух.

– С Белафортом, – ответил Лето. – Пожелание советника.

– Длани? – спросил я.

– А ты не знаешь? – Лето заглянул мне в глаза. – Твой брат умер три дня назад. Он был ранен, и последние две недели не приходил в сознание.

– Две недели назад? – тупо повторил я. – А что, была какая-то битва в двух шагах от Тармы?

– Нет, – Лето грустно усмехнулся. – На него напала гиена. Прямо посреди лагеря.

– Гиены же боятся людей! – удивился я.

– И эта боялась, – пожал плечами Лето. – Но напала. Длань убил ее, но она успела его укусить. Он заболел. И умер три дня назад. Царь повелел возвести его гробницу рядом со своей.

– Что, шакалы вас задери, тут происходит?! – я остановился.

– Позже, – одними губами сказал Лето.

Поговорить получилось только к ночи. До этого пришлось заниматься делами. Я разбирал бумаги, ругался со своим предшественником, устроившим путаницу и хаос в документах, изучал договора, носился, как ошпаренный, по складам. Хорошо, что ко мне приставили Лето. Он отличный парень, я всегда хорошо с ним ладил.

И еще я не отказал себе в удовольствии явиться к Шапше, обрядившись во все регалии и знаки отличия. Смешно было наблюдать за метаморфозами его лица – от злорадной усмешки сначала до заискивающего подобострастия, когда он понял, в качестве кого я тут к нему заявился. Вообще-то я терпеть его не мог. Но никого лучше для своих целей в Тарме бы не нашел. А уж сам Шапша ради такой сделки готов был без штанов пробежать всю Дорогу Процессий или прослужить в храме Луда неделю, подставляя свой зад всем желающим. А там их всегда хватало...

– Двучичный ты тип, Шапша, – сказал я, когда бумаги были подписаны.

– Жизнь такова, господин каптер, – ответил Шапша, чуть поклонившись. – Воздаст по заслугам.

Я хотел спросить про храм Луда, но передумал, махнул рукой и ушел. Дел было еще много, а надеть неприятностей Шапше я теперь смогу, когда захочу. Единственное, что расстраивало в этой мысли, так это то, что никакой особой радости она мне не доставила.

Остах-Рубище, флотоводец и кораблестроитель, человек, помешанный на море и морских сражениях, принял меня радушно. Еще бы, ведь наконец-то и для него нашлось настоящее дело. До настоящего момента корабли использовались только как телеги, и не больше. А Рубище мечтал о настоящем боевом флоте, страшнее которого не будет во всех семи морях. Так мы и пообщались – он мне взахлеб рассказывал о новых верфях, заложенных по приказу царя на Отмелях, а я слушал и записывал, что именно необходимо сначала для постройки, а затем для повседневного функционирования. Все-таки плоховато я разбираюсь пока что во всем, связанном с морем. Не доверяю я этой стихии никак. Я был в море, конечно. Только ни разу из всех моих трех морских путешествий, мне не удалось убедить себя, что я смогу ходить по палубе, ни за что не держась. Свой первый выход в море в сознательном возрасте я помню очень плохо, потому что был занят. Блевал за борт. Потом морская болезнь как-то сама собой прошла, но любви к морю во мне так и не прибавилось.

* * *

Каца догнал меня неподалеку от Гостевых Ворот. Здесь, в Новом Городе, имелось два постоянно действующих базара, и нужный мне человек был либо на одном, либо на другом. Возле Гостевых Ворот торговали шерстью, коврами, тканями и всякими полезными бытовыми предметами. А базар на Жертвенной Площади специализировался в основном на еде. И когда мне наконец показалось, что я заметил в толпе Вагита, того самого человека, который занимается сбором отпавкой торговых караванов, то меня окликнули. Я недовольно покрутил головой, и сжался, когда увидел, кто именно меня зовет. Вроде с детства знакомы, а я все равно не могу перестать его опасаться.

– Здорово, Жабa, – сказал колдун, подходя вплотную. Издалека его даже можно было принять за обычного человека, но вблизи впечатление сразу проходило – он был весь обвешан ожерельями мешочков, бусами косточек, клыков и когтей неведомо каких животных, а на шляпе так вообще болтался целый птичий скелет. Правда, набор этих «украшений» не выдавал в человеке колдуна, я знал несколько личностей, одевавшихся еще более экстравагантно... Зато выглядывающие из-под одежды черные завитки замысловатых татуировок говорили о его профессии куда больше. Говорят, что знающий человек по узорам на теле легко определит специализацию и статус колдуна. Только в последнее время выпускники шарашкиных контор, обучающихся всем разновидностям колдовства, стали раскрашивать себя вовсе уж причудливо и разнообразно. Вплетая значимые узоры во множество разных других. Вроде им даже пытались это запретить, да где там...

– Привет, Каца, – я, наконец, справился с собой, унял дрожь в коленках и смог улыбнуться. – Вообще-то я занят. Ищу одного человека.

– Это все равно был не он, – Каца дернул плечом. – Надо поговорить. Пойдем в кабак, выпьем чего-нибудь.

Вот тоже счастье – бродить по Новому Городу в компании пьяного колдуна!

– Даже не думай, – Каца сжал губы. – Нам надо поговорить. И ты пойдешь сейчас со мной. Понял?

Вот и поговорили, мда. Я вздохнул и поплелся вслед за долговязым тощим колдуном. Моя смелость не простиралась так далеко, чтобы всерьез с ним поспорить. Каца ловко лавировал в базарной толпе, будто последние много лет не в походе к краю мира участвовал, а работал продавцом сладостей или разносчиком воды. А я думал, зачем я ему понадобился.

– Садись, Жабa, – Лето похлопал по скамье рядом с собой. – Работа не убежит, успеешь еще.

Я облегченно вздохнул. Значит, дело ко мне не только у колдуна, и мне не придется поддерживать с ним беседу один на один. Кроме Лета за столом сидел Сова, тоже из первых соратников царя, можно сказать, воспитатель. Его седая голова возвышалась над всеми, как... гм... маяк. Я как-то спросил, сколько ему лет, а он засмеялся и ответил, что сам уже не помнит. Однако обманываться на его счет я бы никому не посоветовал – этот гигант был сильнее всех, кого я знал, и лучше всех владел оружием. Любим, даже совершенно незнакомым.

Я сел, и Лето немедленно наполнил мой стакан напитком из глиняного кувшина. Я отхлебнул и скривился – пиво. Отставив стакан, я выжидательно воззрился на окружающих. Всех их я знал уже больше двадцати лет, они бы не позвали меня просто так.

– Ты думаешь, зачем мы тебя позвали? – спросил Сова. – Не веришь, что просто соскучились?

Я мотнул головой.

– Правильно делаешь, – вздохнул Сова. – Нам просто хочется, чтобы ты тоже был в курсе. Только начать придется издалека. Ты не сильно занят?

– Уже нет, – вместо меня ответил Каца. – На сегодня ему хватит. Будем считать, что мы все уже в увольнении.

– Какое-то странное место вы выбрали для разговора... – я снова потянулся за кружкой, но вовремя вспомнил, что в ней. – А подают в этой забегаловке что-нибудь, кроме этой мочи?

– Уже возле трех рек было понятно, что никакого края мира поблизости нет, – сказал Сова. Глаза его подернулись поволокой воспоминаний. Странно только, что он начал откуда-то с середины... Но я не стал ему напоминать, что про остальной их поход я тоже мало что знаю. – Но царь все равно не хотел поворачивать назад. Тем более, что в уродливом храме Костяной Матери ему было смутное видение, которое жрец истолковал как невиданный успех или необычная судьба. Уродливый жрец уродливой богини. Непонятно, зачем царь вообще его слушал... У переправы был бой. Пигмеи заманили нас в засаду, попытались разрушить

наплавной мост, в тот момент, когда по нему переправлялся обоз. Мы победили тогда без особых потерь. Но когда увидели своих врагов вблизи, были очень удивлены. Низкорослые, с вывернутыми губами и плоскими носами. Кожа у них серо-коричневая. И еще они носят уродливые украшения. Если бы я сам не видел, как они держат в руках оружие, не слышал, как выкрикивают команды их вожди, то решил бы, что это обезьяны, которых для чего-то обрядили в пестрые одежды. Но это были люди. Ночью часть мертвых ожила, и они попытались снова нас атаковать. Тогда мы потеряли Голову и Друча. Ты помнишь их?

Я кивнул. Голова был стратегом, а Друч простым солдатом. Наверное, он бы смог стать кем-то большим, если бы не лень и разгильдяйство. На деле он был умнее, чем пытался казаться. Просто ему нравилось выполнять приказы. И еще Голова и Друч были давними друзьями. Такая вот странная пара – высший офицер и простой солдат. Впрочем, ничего странного, если знать, что они начинали в одной банде наемников...

– Их шатер подожгли трупы пигмеев, а на выходе проткнули копьями, – продолжил Сова. – По-глупому как-то получилось, да. Вроде опытные воины, старые солдаты... Наутро трупы пигмеев снова стали трупами и никаких признаков жизни не подавали. Царь отдал приказ сжигать всех мертвых. И пигмеев, и своих.

– Это было необязательно, – подал голос Каца. – Никто из наших после смерти бы не встал, это была магия пигмеев.

– Да, ты говорил об этом, – кивнул Сова. – Только царь тебе не поверил.

– Страшнее всего было, когда мы выжигали столицу пигмеев – Утцу-штудду, – сказал Лето. – Плетеный город. У них дома похожи на корзины. Представляешь себе корзины, локтей в пятьдесят высотой?

– Отвратительные людишки, – скривился Каца. – Я допрашивал несколько. Договориться с ними все равно бы не получилось. Если бы мы оставили их в покое, они бы ударили в спину.

– А так в спину нам ударили другие... – вздохнул Сова. – Но это случилось много позже, уже после войны карликов и великанов... Странно было явиться войском в край, где идет чужая война. Черные великаны и бледные карлики. То есть, бледными они нам показались в сравнении. Великаны были антрацитовые, как пятна ночи на пестром ковре джунглей. Они шли в бой абсолютно голыми, и из оружия использовали только сучковатые дубинки. Они тоже были похожи на обезьян. Только я никогда не видел таких больших, обезьяны нам попадались исключительно мелкие и вредливые. На деле великаны оказались куда более цивилизованными, чем пигмеи. Просто у них странные понятия о чести на войне. Они давно уже научились обрабатывать металл, но религия не позволяет им использовать его на войне. И еще у них очень странные колдуны – они поют, закатывая глаза, и танцуют, высоко подбрасывая ноги...

– И кожа их воинов становится неуязвимой к металлу, – уточнил Каца. – Собственно, это единственное заклинание, подходящее для боя. В остальном их магия очень мирная, подходит скорее для огородников, чем для воинов.

– Мы не вмешались в войну тогда, – сказал Лето. – Просто поставили укрепленный лагерь и занялись текущими делами – очень многие из наших заболели неизвестными болезнями, лошади нуждались в отдыхе, да и заготовкой провианта стоило заняться.

– Потом снова был храм, – Сова налил себе еще пива и ненадолго замолчал. – Я даже уже не помню, кому поклонялись эти оборвыши. Сама постройка – древнее Тармы, я вообще впервые видел столь старое строение... А жрецы там самые разные, было даже двое белых. Они сидят посреди джунглей безвылазно. Они покрыты коростами, их волосы свалились в войлок, а одежды они никогда не стирают. Когда прорех становится больше, чем ткани, они проводят ритуал – снимают эти тряпки, надевают другие, чуть менее ветхие, но уже грязные и рваные. А старые сжигают в ритуальном костре. Который никогда не гаснет, таково правило. Вонь там стоит такая, что любая сточная канава в Тарме покажется ароматизированной ванной. Но царь почему-то остановился у этого храма надолго.

– Мы только потом поняли, почему, – сказал Лето. – Хотя все равно не до конца. Ладно, давайте не будем утомлять Жабу рассказами про дальнейшие наши лишения. Дальше становилось только хуже. А на обратной дороге царь настоял на том, чтобы мы обязательно снова зашли в этот храм, хотя дорога была не самой удобной. Да что там, никакой дороги там вообще не было... И вот тогда-то он и появился в нашей армии.

– Мертвый советник, да, – криво ухмыльнулся Каца.

– Что-то мне не смешно, – сказал Сова, ни на кого не глядя.

– Мне тоже не смешно, – лицо Кацы стало серьезным.

Я понял, что потерялся. Пигмеи, великаны, джунгли, храмы, жрецы, мертвый советник.

– Так что там случилось, в этом храме? – спросил я, чтобы пресечь начинающуюся ссору.

Каца и Сова переглянулись.

– Царь забрал из храма саркофаг с мертвым телом, – сказал Каца. – А жрецов, которые не хотели его отдавать, приказал перебить всех до единого.

– Зачем царю труп? – тупо спросил я. – Или саркофаг драгоценный?

– Это не просто труп, – Каца опять криво ухмыльнулся. – Он может разговаривать. И теперь это главный королевский советник. Мы тебя позвали, чтобы предупредить.

– Ты обязательно с ним увидишься в скором времени, – сказал Лето. – Удивительно, что царь принимал тебя без его участия.

– А чей это труп? – спросил я.

Каца пожал плечами, Сова отвернулся, Лето придвинул к себе кувшин.

– Ребята, – жалобно пробормотал я. – Я правильно вас понял вообще? Царь ограбил храм, приказал убить там всех жрецов и забрал в качестве трофея гроб с бормочущим трупом. И теперь слушает его, а вас не слушает, так? Царь сошел с ума?

– Да нет, – махнул рукой Каца. – Все не так плохо. Царь остался нормальным царем, он продолжает обсуждать с нами важные вопросы, это все тот же царь, зуб даю. Только теперь на советах присутствует труп. Он весьма дельно все комментирует, похоже, что при жизни имел дело и с войсками, и с военными действиями. Только вот решение о войне с Белафортом было принято без нашего участия. Царь просто поставил нас перед фактом.

– Война с Белафортом – никому не нужная глупость! – заявил Сова. – Только людей зря потеряем... Наши интересы никак не пересекаются. Белафорт никогда не совался на восток Семиморья, а мы – на запад, в воды и земли Белафорта. И флот Белафорта сильнее нашего.

– Ненадолго, – буркнул я. – Царь приказал заложить на побережье шесть новых верфей.

– Шесть?! – удивился Сова, потом вздохнул. – Ладно. Не дело офицеров осуждать действия царя. Он повелел воевать с Белафортом, значит, будем воевать. Мы не за этим тебя позвали, Жаба. Просто хотели предупредить. Чтобы ты не удивлялся.

О чем-то они промолчали. Или пока не решались сказать. Мертвый советник царя – важная новость, но скрываться в базарном кабаке, чтобы ее сообщить было необязательно. Не похоже, чтобы эта информация была особо секретной, раз царь вел все важные разговоры, таская гроб с мертвым телом за собой.

– Это ведь не все, да? – спросил я. – Вы что-то еще хотели мне сказать?

– Да, – глухо сказал Сова. – Возможности мертвого советника не ограничиваются болтовней с живыми. Еще он может управлять животными.

– Не понял? – нахмурился я.

– Отдавать приказы, заставлять вести себя как дрессированные, – Лето сжал кулаки. – Один раз я даже видел, как он заставил волка броситься с обрыва.

– И почему это важно? – спросил, было, я, но сразу же прикусил губу. Гиена. Посреди лагеря.

– Ты уже сам понял, да? – сказал Сова. Я кивнул. На языке крутился еще один вопрос, но задавать его не пришлось, на него ответил Каца:

– От нападений животных погибло еще пятеро офицеров. Лужа, Глупый и Добряк. Других двоих ты не знаешь.

* * *

Я стоял над развернутой картой. Белафорт лежал примерно в пятистах лигах на юго-запад по морю, если считать от Отмелей, нашего побережья Семиморья. Наши интересы никогда не распространялись западнее островов Полуночного мыса, где царь повелел поставить маяк. А потом, кажется, вообще забыл об их существовании. Эти острова и правда доброго слова не стоили – скорее уж рифы, чем полноценные острова. Так, каменики посреди моря... Я даже не знаю, функционирует сейчас тот маяк или его забросили давно. Если отправлять армию до Белафорта пешим ходом, то получится вовсе уж ерунда. Не получится дотуда по суше дойти. Даже если удастся каким-то образом форсировать дельту Луташи... Потом придется пересекать Берег Огней и Коралловые горы – места совершенно безжизненные и страшные. Получается, что воевать придется только через море. И начать с захвата Китовой пасти – узкого пролива, укрепленного двумя древними фортами. Их построили когда-то в незапамятные времена, когда самого Белафорта еще в проекте не было, а нынешние его обитатели ютились по островам Семиморья и доказывали всему миру, что они самый свободный народ, потому как не привязаны ни к одному месту.

Белафорт... Говорят, что там на алтарях убивают людей. Что к первому дню весны особо избранные женщины должны родить младенцев, которых кормят жертвенной печи. А матерей этих несчастных детишек выбирают среди самых красивых девственниц особо знатных родов. И еще я слышал про танец с мечом... Там девушки танцуют по кругу, а палач стоит в центре. И в танце он отрубает им головы. А еще... Бррр. Я расхотел вспоминать страшные байки про Белафорт. Зато война с этим городом-государством перестала казаться мне глупой и ненужной затеей. Этот город стоило бы разрушить до основания и память о нем стереть. Я снова посмотрел на карту. Пятьсот лиг.

Я и сам не понимал, почему вдруг занялся несвойственным себе делом. Моя работа – обоз, лошади, баржи, кормежка и обмундирование. А стратегию и тактику просчитывают другие. Но что-то не давало мне покоя. Зачем нам война с Белафортом? Не то чтобы это самоубийство, все-таки мы – империя, а Белафорт – паршивый город-государство. Пусть даже с десятком колоний, но все равно он от этого не стал сильнее нас. Но дело даже не в этом. У нас под боком имеется мятежная область Дождевых равнин вместе с главным ее городом Гуспаросом, прибежищем всяких ренегатов, сепаратистов и осколков старой аристократии. Есть не менее отвратительная горячая точка в степях Дучи. Тамошние кочевники только выглядят покоренными. А еще странно, что царь не думает об усмирении своего бывшего соратника Парастата, захватившего Светлый Яр и Обжиг. Насколько я знаю, он собрал там неслабую армию, понаделал укреплений, и строит какие-то козни. Никогда не доверял колдунам. Парастат отправился в поход на восток вместе с царем, но бежал оттуда через пару месяцев. Подделал указ о своем назначении наместником и быстренько воссел в самой защищенной и богатой провинции, наплевав и на царя, и на остальную империю. Выковырять его из кольца гор будет трудно, а неприятностей он может причинить вполне реальных. Но меж тем, царь задумал воевать Белафорт, с которым у нас нет ни спорных территорий, ни напряженных взаимоотношений.

Царь подчиняется трупу, а у трупа есть свои резоны. Я сам так пока и не увидел этого мертвого советника, хотя и удостоился еще одной аудиенции у царя. Мы обсудили поставки древесины, количество вербовочных пунктов и подряды на парусину. Собственно, на этом наша беседа закончилась, и я отправился по своим делам. Чей же труп притащил царь в Тарму? Вряд ли это кто-то совсем уж неизвестный, обычные люди не оставляют после себя говорящих трупов, способных убедить победоносных царей в своей полезности. А значит это кто-то из мертвых владык. Скорее всего, из колдунов.

* * *

Архив Тармы

Стенд Сигма

Короб 6 –

неразобранные мемуары

код документа 234/5

Третий день осады – третий день дождя. Я смотрю в пустые глаза моих солдат, и стыд пожирает меня изнутри. Я знаю, что они все умрут здесь, и мне кажется, что они тоже это знают. Осада – это один сплошной обман. Мы простоим здесь две недели, занимаясь постройкой шагающей крепости, которая никому не пригодится. Я не знаю, что намешано в снадобье, которое дал мне Гукша по велению Гаро, но я должен проследить, чтобы каждый вечер оно добавлялось в еду и питье моих солдат. «Оно облегчит тебе задачу, хе-хе», – сказал Гукша. Как отвратительно он смеется, будто ворона каркает.

К ночи пошли на штурм. Разведка боем. В крепости два колдуна, один из них умеет швыряться здоровенными камнями. Потеряли десять человек убитыми, еще тридцать два ранены. Сейчас утро, и в лагере тихо. Только что в условленное дерево воткнулась стрела с посланием. «Завтра снова штурмуйте, передай колдунам, чтобы отравили воду». Без подписи. Но я и так знал, от кого письмо. Вся эта инсценировка действовала мне на нервы, но выбора у меня не было – моя жена и дети в руках Гаро, и он пообещал, что если я отдам свой отряд, то он отдаст мне их обратно и позволит уйти.

Со стены сбросили труп. К нему был ножом приколот лист бумаги с надписью «предатель». Один из моих солдат повесился. Кого, интересно, мы ждем? Я снова посмотрел на амулет, который передал мне Гукша. Змея с распахнутой пастью, чертополох и языки пламени. Выполнен грубо, дешево. Словно он его на базаре купил. Когда я ему об этом сказал, колдун скривился и сообщил, чтобы я не лез не в свое дело. Амулет верный, и мне надо всего лишь сломать его, когда ОН придет. Кто ОН? Не мое дело. Не мое дело. Не мое дело. Я пойму, когда увижу.

Со стены упало еще несколько трупов. Все они были с синими лицами, тела их покрывали омерзительные язвы – это все были следы отравы. Заболели двое моих солдат. Врача укусила саламандра, и он умер. Осталось двое коновалов, но они не справятся.

Еще один бесполезный штурм. И как же надоел этот дождь! Шагающая крепость почти готова. Скоро все начнется.

Никогда не видел ничего более отвратительного. ОН пришел от реки. Это большая куча дерьма. Я надломил амулет и уткнулся лицом в сухую траву, чтобы ничего не видеть. Выжил только я один. От крепости ничего не осталось.

* * *

Архив Тармы

Стенд Сигма

Короб 1 –

мемуары офицеров

Код документа 112/45

Рассвет, утренний гонг.

Мятежники заняли большую часть города. Их костры все еще дымятся на центральной площади. Но мы пока держимся, хотя они уже трижды за последние сутки пытались штурмовать дворец. Гаро отдал мне приказ подчиняться Шагану. Мы оставляем правую лестницу и уходим в северную башню. Проживем подольше.

Второй утренний гонг

. Время завтрака. Чего у нас еще хватает, так это припасов. Северная башня – самая дальняя от ворот, зато под нами одна из дворцовых кухонь и склад. Я не знаю, в каком именно месте дворца прячется Гаро. Он понимает, что обречен, что власть его закончена, но тщится продлить агонию. Я буду биться за него до конца, мне глубоко противны идеи мятежников.

Полдень.

Двинулись на штурм. Я слышу только шум, лязг и грохот. Вроде бы, у них теперь есть какой-то особый таран.

Через час после полудня. Они взяли ворота и внутренний двор. Защитников обеих лестниц, живых, но парализованных каким-то заклятьем, сложили в огромную кучу и подожгли. Колдовской огонь поддерживает какая-то девчонка. Хуже колдуна может быть только колдунья. Мой отец говорил, что красивых колдуний не бывает, и я соглашаюсь с ним, глядя на беснующуюся на фоне костра из тел худосочную фигурку. Наверняка у нее бледное перекошенное лицо с костлявым длинным носом и тонкие рыбы губы.

Они могут двигать руками и кричать. Это ужасно.

День, солнце высоко, гонг больше не отбивает часы.

Мятежники остановились, не знаю почему. Они сожгли около четырех сотен человек – три раза подтаскивали новые партии, и их уродливая колдунья воспламеняла тела еще живых и чувствующих людей. Не понимаю, она что, ими командует?

В их руках оказалась восточная башня, ее никто не защищал. Они поставили шатер посреди двора. Не понимаю, зачем?

Близится закат.

Штурмуют нашу башню, мы держимся. Шаган успешно подавляет огненные заклятья тощей колдуньи. Он мне сказал по секрету, что Гаро здесь нет. Его вообще нет во дворце.

Солнце село.

Шагана убили. Стрелой из арбалета. Теперь командую я. Сдаваться бессмысленно, мы все равно умрем не так, так эдак. Лучше это сделать в бою, чем в куче. Сдалась Западная башня. Ее защитников принялись стаскивать во внутренний двор. Мятежники готовят какую-то каверзу против Южной.

Полночь.

Оружие бабахнуло. Южная башня разрушена. Я почти ничего не слышу, в глазах пляшут саламандры. Сейчас они снова пойдут на штурм.

Глубокая ночь.

Мы опять отбились, не понимаю, как. Кажется, у нас появился зыбкий шанс уйти из этой передраги живыми.

* * *

Архив Тармы

Стенд Сигма

Короб 2 –

Письма

Код документа 621/44

Я получил это место. Название моей должности – помощник постельничего. В мои обязанности входит уборка публичной спальни. И еще я должен нести стражу у склада постельного белья. Сначала я не понял, зачем такие странные предосторожности – стражей склада всего десять, мы меняемся по расписанию, белье ни на минуту не остается без присмотра. Но мне объяснили, что во дворце полно предателей и отравителей. К стыду своему, я думал, что отраву можно подсыпать только в еду или питье, оказалось – нет. Существуют специальные порошки и жидкости. Например – мушиный снег. Это белая пыль, если ее распылить над подушкой, то человек умрет через две недели, и никто не сможет понять от чего. Его будут мучить кошмары и рвота. А если пропитать белье соком лунной травы, то тело человека покроется язвами и коростами. Ну да ладно, я хочу написать о другом. Теперь я часто вижу Гаро, о котором до этого только слышал. Это очень высокий и тонкий человек. Он всегда носит обувь с каблуками, чтобы казаться еще выше. Его одежды красного или бордового цвета, других он не надевает. Хотя я слышал, что в особых случаях он одевается в черное. Обычно у него на лице маска, закрывающая половину лица. Он это делает, чтобы скрыть ужасный багровый шрам. Каждую ночь в его покои приводят девушку. Это всегда очень худосочные брюнетки. Сначала я удивился, но потом понял, что это не для любовных утех, он делает с ними что-то другое, ужасное. Они все остались живы – я видел их утром, – но из дворца исчезали в тот же день. Гаро не женат, это все слухи. И еще у него есть наследник – грузный отрок с мутными глазами навывкате. Он похотлив, и его боится вся прислуга, потому что ему все равно, с мужчиной или женщиной делить постель. Еще к семейству Гаро можно отнести старую женщину, которую тоже все боятся. Она ходит по дворцу, словно призрак, и иногда заговаривает. Говорят, что если она с кем-то заговорила, то жить тому осталось не больше десяти дней. Я не понял, кем она приходится Гаро, может быть матерью, если судить по ее особому положению.

Мой приятель из прачечной рассказал, что сам Гаро никакого отношения к аристократии не имеет, просто он вовремя стал любовником танессы. А потом она умерла, и оставила ему наследство.

Разговаривать с Гаро страшно – он нависает над тобой, как фонарный столб, а из глаз его то и дело сверкают темно-красные вспышки. Он никогда не принимает гостей сидя, хотя трон у него есть. Утром он встречает приглашенных, лежа в постели публичной спальни, а в остальное время – стоит посреди тронного зала. Он заставляет подходить вплотную к себе. Приятель сказал, что ему это нужно для того, чтобы чувствовать дыхание собеседника. Вроде как в этом случае ему не могут причинить вред.

Теперь буду писать реже, работа отнимает много времени. Деньги буду отправлять регулярно.

Рако.

Приписка.

Письмо было изъято и адресату не доставлено.

* * *

Архив Тармы

Стенд Сигма

Короб 3 –

указания

Код документа 22/3

Коменданту полевого лагеря Дубки Родри-Шакалу от Гаро.

Повелеваю принять человека, доставившего этот документ, как меня самого. Ему надлежит выделить три десятка тяжелых пехотинцев и ни о чем не спрашивать. Если он сам заговорит, слушать дозволяется.

С грузом, который он передаст, надлежит поступить следующим образом: мешки из фургона с красной крышей поместить в склад и не вскрывать до особых распоряжений. Мешки из фургона с синей крышей сложить в центр лагеря и также не трогать. Вино из ящиков третьего фургона разрешается пить в разумных пределах.

Кроме того, в ночь после отбытия посланника надлежит выставить тройную охрану и всем им завязать глаза. Пусть охраняют на слух.

И последнее – мое прибытие в лагерь Дубки держать в секрете. О посланнике моем также надлежит забыть сразу по его отбытию.

Гаро, день седьмой, месяц жаворонков.

* * *

Архив Тармы

Стенд Сигма

Короб 6 –

неразобранные мемуары.

Код документа 32/2

Мы нашли их уже мертвыми, там даже мухи уже роились. Но стража не хотела ничего слушать. Нас схватили и сунули в клетку, как зверей. А на соседнюю телегу свалили гору трупов. Их было, наверное, человек тридцать, не меньше. У них были лопнувшие глаза. Прямо взаправду лопнувшие, как будто протухшие помидоры. Лиц было не разобрать, но по виду их было понятно, что это разбойники.

Мы с братом попали в общую темницу. Там воняло, и было много народу. Один человек, сумасшедший, вырывал на себе волосы прядь за прядью и стонал. А потом начал рассказывать. Сначала невнятно, почти шепотом, а потом все четче и четче. Их наняли и посадили в засаду. Наказали ждать трех всадников и крытую легкую повозку. Они должны были всех убить. Наниматель сказал, чтобы они не медлили и стреляли безо всяких предупреждений. Но у главаря были странные понятия о чести – он подумал, что тридцать человек против четверых это очень много, и решил предупредить об атаке.

Когда он разъяснял странникам, что сейчас они будут убиты, из повозки показался длинный и тощий тип в маске, закрывающей половину лица. Он смеялся. Сначала просто хихикал, как дурачок, а потом его смех становился все громче и громче. Потом стал похож на гром с ураганом, а потом у разбойников начали лопаться глаза и уши. И только один этот сумасшедший сбежал. Или он вообще там не был, а то было его видение, у блаженных бывает такое, в нашей деревне был один... [страница вырвана]

На допросе я все сказал, как было. И как мы нашли тела, и о том, что слышал в темнице. Нас с братом отпустили.

Дорожные сборы

Дорога Процессий – самая почетная улица в Старом Городе. Говорят, ее плиты положили еще тысячу лет назад. И вытесывали их под присмотром Покровителей Ремесел. Всего этих богов пятеро, а поименно я их не помню. Рамул, Дарса, а дальше не то Пуфа, не то Олона. В общем, неважно. Это точно все ерунда. Сдается мне, что секрет сказочной красоты этих плит

вовсе не в том, что к ним приложили руки мифические божества. И даже на колдовство не очень похоже. Скорее уж в безымянные дни, когда никто не имеет права выходить на улицу или даже смотреть в окно, над синими узорами Дороги Процессий трудятся специально обученные ремесленники. Которых до поры держат в тайных подвалах храмов. Которых в Тарме, на мой взгляд, слишком много. Я хмыкнул, поняв, что мои рассуждения завели меня в дебри местного богохульства и порадовался, что жрецы не умеют читать мысли.

Вообще, дворец у меня получился случайно. Когда Тарма сдалась и объявила царя своим повелителем, далеко не все местные бонзы этому обрадовались. Бывший хозяин моего дворца как раз был из предателей. Он и его домочадцы планировали покушение с переворотом, только им не повезло. Даже вспоминать смешно, на какой ерунде их взяли. Служанка на базаре проболталась.

Я подошел к воротам.

– Не велено, – буркнул охранник.

– Кем это не велено, щенок! – я откинул с головы капюшон и грозно свел брови. – Я хозяин этой халупы, ты, гиений выкидыш!

– Пропусти его, Саа! – раздался сверху повелительный женский голос. Я ухмыльнулся. Ни разу я не смог удержаться, чтобы не нахамить охране своего собственного дворца. Далеко не все из них знали меня в лицо.

– И даже спрашивать не буду, отец, что тебя на этот раз ко мне привело! – Акара стремительно сбегала с лестницы и порывисто обняла меня. – Опять война?

– А что, уже ходят слухи? – я оглядел фигуру дочери, опять заметно округлившуюся. – Ты собираешься подарить мне четвертого внука?

– Надеюсь, что внучку, – усмехнулась она. – Так что, ты мне расскажешь?

– Да, – кивнул я. – Война. С Белафортом.

Она наморщила гладкий лоб.

– Это где? Какое-то новое варварское государство? Царь привез новых врагов с востока?

– Нет, милая, – покачал головой я. – Это просто далеко. Пятьсот лиг. На другом конце Семиморья. Так что неудивительно, что ты не знаешь. Да и не знай. Это ужасное место.

– Тогда не буду об этом думать, – кивнула Акара. – Ты ведь хочешь, чтобы я подобрала управляющего для твоей лавки? Могу дать Итаху или Бруго. Оба толковые пройдохи, справятся.

– А Бруго кто? Я его не знаю...

– Бруго новый. Наняла недавно, чтобы он занялся сезонной торговлей в Улла-Кутта. Проверила в деле, он хорош. Но уехать в северную столицу еще не успел.

– Ладно, пусть едет, – я махнул рукой. – Давай Итаху, он неплох.

– Долго ты еще будешь в Тарме?

– Неделю или больше, – я опустил глаза, сделав вид, что не заметил заблестевших в ее глазах слез. Она не любит, когда кто-то замечает ее слабости. – Мне еще кое-что нужно.

– Ты же знаешь, весь этот дворец у твоих ног, отец...

***

Итаху явился вовремя. Вид его не внушил бы доверия даже наивному малышу, воспитавшемуся с рождения в храме Доа, проповедующих всепрощение и доверие. При взгляде на рожу Итаху, рука сама собой тянулась схватить покрепче кошель. А был бы дамой, еще и за шею хватался бы. В надежде сохранить свои прекрасные бусы и ожерелья. При этом Итаху – отличный работник, я уже дважды оставлял на него управление лавкой, и ни разу не остался внакладе. Я смотрел, как он выводит ровные ряды черточек на восковой табличке и даже начал думать, а не найти ли мне другого управляющего, а этого сманить с собой, на войну с Белафортом. Обязательный, исполнительный... Правда рожей не вышел, но я привык, а до остальных мне дела нет. Я даже почти что рот открыл, но тут колокольчик на двери звякнул, и

в полумрак лавки ввалился гость, при виде которого я скривился – Таска. А с ним еще какой-то обалдуй. Охранник, видимо, у охраны всегда такие лица, будто... Даже не знаю, какие. Но перепутать с кем-нибудь охранника сложно.

– Зачем тебе охранник, Таска? – буркнул я, и снова перевел взгляд на табличку Итаху.

– А это твоя охрана, – ответил Таска. – Мне пока не полагается, а ты у нас господин каптер, Жаба.

– Пусть снаружи подождут, – махнул рукой я. – И ты тоже проваливай, если у тебя других дел ко мне нет.

– Нехороший ты человек, Жаба, – Яблочный Пирог сделал сокрушенное лицо и сразу сделался похожим на обиженного попугая. – Не любишь ты меня...

Я промолчал, хотя мне очень хотелось ему ответить. Вместо этого я склонился к уху Итаху и принялся заново повторять инструкции. Таска отошел в угол и пристроил зад на табурет. Именной. Который знак касты. Сейчас на его голову падет проклятье местных богов – покровителей торговли, злорадно подумал я.

– И вот еще что, Итаху, – вдруг "вспомнил" я. – Твоя племянница же хотела в каком-то храме обучаться?

– Да.

– Ты оказал мне множество услуг, и я голов поспособствовать ей в этом. Ее будущий муж ведь скоро сможет заплатить твоему брату?

– Хочется надеяться. Что-то у него там не заладилось...

– Знаешь что, дорогой, пришли его ко мне сегодня после заката, я кое-что ему подкажу...

– Жаба, у меня к тебе поручение от царя, – подал голос Таска. – Может пора уже закончить разговоры?

Я смерил его презрительным взглядом и пошел провожать Итаху до двери. Многословно с ним распрощался, а потом повернулся к Таске.

– Слушай ты, гиений выкормыш! – обозленно сказал я. – Ты со своего дикого востока вернулся только что, обычаев местных не знаешь. Вот и молчи, когда тебя не спрашивают. Выкладывай, что там у тебя и проваливай!

Таска вздохнул и принялся излагать указания царя. Речь шла про склады, деньги и необходимое оружие и доспехи. А я смотрел на Таску и думал, что же с ним произошло. Раньше он бы обозвал меня гиеным дерьмом и хлопнул бы дверью. Предоставив самому выкручиваться за неисполнение приказов царя. Не исключено, что мне пришлось бы даже за ним побегать, униженно выпрашивая, что там у него за указания. Потому что царь не особенный любитель разбираться, по чьему именно попустительству его приказ не выполнен. Почему же тогда я так взъелся на Таску? А очень просто! Не люблю я его, еще с момента появления в армии царя не люблю. Злость при одном виде его круглой морды пробирает.

А знаете почему он Яблочный Пирог, кстати? Бой закончился, мы вошли в Пруг, маленький городок недалеко от границы Длинной Земли, а тут встречающие. Сплошные женщины, некоторые с младенцами на руках, и Таска с яблочным пирогом. Специально для царя, то есть, тогда еще тана-завоевателя испек. Царю тогда шутка понравилась, и он взял Таску с собой.

***

Когда, наконец, явился Лето, я был готов броситься ему на шею. За день Таска мне так надоел, что я готов был его своими руками придушить, а кишки скормить вонючим гиенам. Он ждал меня возле двери, пока я договаривался с Шапшей о лошадях и мулах. Он смиренно сидел в уголке, пока я обедал у Толстого Олби в Новом Городе. Он вымученно улыбался, но ни словом, ни жестом не показал, что ему что-то не нравится. Не знаю... Если бы я был на его месте, то к вечеру бы меня, наверное, убил. Ну или по крайней мере двинул бы по башке

чем-нибудь тяжелым. Но он не стукнул. Он вежливо откланялся, попрощался и сообщил, что мы увидимся завтра утром.

– Слушай, Лето, а что это с ним? – спросил я своего приятеля, провожая Таску задумчивым взглядом.

– Так вы подружились? – хохотнул Лето.

– Гиена меня сожри, если так, – буркнул я и пригласил его войти. – Ты принес еще бутылочку того замечательного вина?

– Обижаешь! – Лето вошел, прикрыв за собой дверь. – Так что у вас тут случилось с Яблочным пирогом?

– Он меня достал, – я шумно выдохнул. – С каких это пор он вспылал ко мне нежной любовью?

– А это приказ царя, – сказал Лето, извлекая, наконец, оплетенную бутылку из сумки. – Таска неосторожно высказался в твой адрес при всех, на что царь страшно обиделся, поставил его на колени и потребовал поклясться в том, что он, Таска, с этого момента любит тебя больше родной матери и мечтает стать твоей правой рукой и первейшим помощником. И что ежели он, царь, услышит хоть от кого, хоть от последней уличной шелудивой собаки, что он, Таска, словом ли, делом ли, жестом или иным способом продемонстрирует к тебе, Жаба, какое-то иное отношение, кроме всепоглощающей любви и безмерного уважения, то вмиг лишится языка и мужских причиндалов.

– Ого, – усмехнулся я. – Вроде не было раньше такого наказания, а?

– Не было, – согласился Лето. – Это царь в Стране Монументов подсмотрел.

– Какая сказочная эта твоя Страна Монументов... – я блаженно пригубил вино. Сладко-терпкий вкус обволок небо, и я прикрыл глаза.

– Только сказки там страшноватые, – голос Лета стал серьезным и, пожалуй, даже печальным. – Это очень странное государство. Там правит живой бог, а люди – это его рабы. И еще множество богов витает вокруг. И жрецы их частенько хуже любых колдунов.

Лето явственно передернуло.

– Мы не воевали с ними, мы просто заключили договор с их богом-правителем, что пройдем насквозь туда и обратно, – продолжил он. – Его армия и верные ему жрецы нам не мешали. Но там хватало и других – нападающих исподтишка, отравителей и саботажников. А на самом востоке так вообще власть этого бога не признали, там правила какая-то безумная парочка в белых одеждах, обвешанная младенцами, как украшениями. С ними мы тоже договорились... Я тогда сопровождал царя. Эти двое принимали только в полдень и на самом солнцепеке. Они поклонялись полуденному солнцу и считали, что во время пекла они наиболее сильны. Это было ужас что... Длинная муторная церемония с шествием, крики младенцев заглушает грохот барабанов и звон медных шаров, шествие, разжигание огня, ожидание, когда луч пройдет сквозь окно на башне и осветит священный камень... А потом камень загорелся, последовало три обязательных заунывных гимна. Я думал сдохну там в своих доспехах.

– И что, вы договорились? – с жадным интересом спросил я. Не получилось у меня пока послушать вдоволь историй о восточном походе царя, все сплошь какими-то урывками.

– Да, – кивнул Лето. – Правда, на обратном пути от их столицы уже ничего не осталось. Даже развалин. Будто по камешкам растащили. Я даже подумал сначала, что мы зашли не туда. Бог-повелитель на наши вопросы удивленно не ответил, зато один из его слуг объяснил нам шепотом, что парочку безумцев было приказано предать забвению, и что теперь нигде нет ни единого упоминания, ни одного изображения или чего-то подобного. И что все камни их столицы разосланы по разным стройкам, причем так, чтобы нигде не собралось хоть сколько-нибудь цельного куска мозаики. Вот так-то.

***

Я шел по улице, прикрывая лицо от пыли. Много народу в Тарме. Даже слишком. Вслед за царем в город хлынули несметные полчища людишек из окрестностей. Слухи быстро расползаются, да... И теперь весь этот сброд, наводнивший улицы, лавки, рынки, гостевые дома и кабаки столицы, ожидал решений царя и какой-нибудь манны небесной. Я криво ухмыльнулся, глядя, как заколоченную уже три месяца лавку деловито превращают в вербовочный пункт. Да, царь вернулся вместе со своей армией, конечно, но ему сейчас нужны еще воины. Много воинов. Так что пригодится сброд. Жаль только что не все из них явились сюда наняться в армию. Большая часть надеется совсем на другое.

Жара. Мухи. Пыль. Летняя Тарма и без наплыва гостей невыносимое место. Странное место. Жрецы уверяют, что город основали боги. Они же и мостили некоторые улицы, строили некоторые храмы и выдавали власть некоторым семьям. Не люблю бредни жрецов. И даже поизучал на досуге архивы, повествующие в том числе и об истории Тармы.

Город действительно древний. И сейчас уже даже никто не помнит названия того народа, который его основал. Правда с тех времен и построек-то уже не осталось. Потом сюда явились воинственные дакасы. Или драккасы. Они приехали на своих громыхающих колесницах под стены тогда еще невеликого городка, и городок сдался без боя. Драккасы построили мощные укрепления и лет примерно сотню наводили ужас на окружающих, сделав Тарму своей столицей. Потом они размякли душой, видимо всех устранив и победив, и в Тарме наступил век роскоши. Потом случилась целая серия войн, в результате которой Тарма перешла под власть мрачного царя Огоша. Кто он такой, откуда пришел и куда потом делся – я так и не понял. Но именно в его царствование был построен Старый город в том виде, в котором он сейчас. Правда, тогда он не назывался Старым городом, разумеется.

Я так до конца и не понял, почему именно Тарме уделяют такое особое внимание. Она не порт, по реке отсюда до Отмелей нельзя пускать тяжелые корабли, стены Нового Города постоянно проседают зимой под натиском Гнилого Болота, которое подползает все ближе. Что такого в Тарме, что каждое божество считает своим долгом отстроить здесь хотя бы алтарь, хотя бы маленькое священненькое местечко, хотя бы?...

– Господин каптер? – голос был знакомый, правда, обращался он ко мне обычно иначе. Бат, завсегдатай моей лавки. Всегда подозревал, что он знает обо мне больше, чем делает вид.

– Был бы это кто другой, я бы сказал, что занят, – сказал я. – Говори, Бат, что ты хотел?

– Благодарю, господин каптер, – поклонился он. – Я пришел по поручению верховного жреца моего храма...

Я скривился и приготовился долго слушать. Но Бат меня удивил.

– Мы хотим предложить сделать в нашем храме вербовочный пункт, – неожиданно перешел к делу Бат. – Ты, верно, спросишь, какое отношение имеет Агтала к войне? Никакого, да. Зато мы знаем, против кого собирается воевать наш царь.

– Откуда? – отрывисто спросил я. – Почему вы вообще решили, что царь собирается воевать?

– О, господин каптер, наш храм владеет священной реликвией, позволяющей беседовать с духами и богами, – Бат снова зачем-то поклонился. – Наша провидица вышла сегодня из святилища и сказала, что царь хочет сокрушить твердыню Белафорта. Позволь, господин каптер, не вдаваться в подробности о том, какие именно чувства наш храм испытывает к этому ужасному государству...

Что бы там не подвигло жрецов на предложение помощи, взамен они ничего пока не требовали. Это было странно, но больше всего меня смущало то, как быстро в зачуханном и далеком от власти храме узнали о планах царя. Пророчица? Возможно... Все-таки, я бы в свое время сжег эти храмы. В их подвалах хранится столько секретов, что я нисколько не удивлюсь, что, в конце концов, на ноже злоумышленника окажется яд, замаскированный под священное масло какого-нибудь из храмов. А выжимали это масло, разумеется, сами боги.

***

Я вышел от царя в задумчивости. Собственно, было непонятно, зачем меня вызвали во дворец. Большею частью царь общался с Совой и Лето. И еще с одним типом, похожим лицом на сосредоточенную пучеглазую рыбу. Я знал его, но раньше так близко не видел. Это был верховный жрец храма Лугал-Дуку, местного главного бога, а точнее пары главных богов, которые иногда были братьями, иногда мужем и женой, а в последнее время все чаще выступали как единая и неделимая сущность. А произошло это после того, как второй главный жрец умер. Ну и этот рыбоглазый принялся мутить и финтить, доказывая, что эта смерть была знаком того, что их божество наконец-то достигло наивысшей гармонии, слившись в одно целое. И что теперь во втором жреце нет необходимости. Звали этого оборотистого служителя высших сил Глофа. И явился он к царю с двумя важными делами – первое было про разрушение неположенной царю гробницы, ввиду того, что он живехонек, а второе – игры в честь благополучного завершения восточного похода и триумфального возвращения.

К делу о гробнице царь отнесся в высшей степени наплевательски сначала. А потом, уже когда Глофа заканчивал живописание игрищ, вдруг нахмурился и сказал:

– Нет. Не позволяю разрушать свою гробницу. Это памятник моей медлительности, он не позволит мне больше задерживаться более положенного. Что там ты говорил про игры, жрец?

– Традиционные игры, – все еще сохраняя спесивость и величавость, произнес Глофа. – Мы раскинем шатры и возведем арену вне стен города, устроим торжества и битвы в вашу честь, и...

– Кто будет биться на арене?

– Преступники, пленные и добровольцы, – бодро отвечивал жрец. – Игры, помимо того, что приносят радость жителям города, еще и освобождают наши тюрьмы от разного сброда, а улицы – от авантюристов и пройдох, гоняющихся за легкой наживой.

Царь кивнул. Жрец продолжил свои описания. Лето не слушал, зато Сова сверлил жреца глазами, чем изрядно того нервировал. Все закончилось быстро и бесславно для служителя. Царь грохнул вдруг ладонью по столу и негромко сказал:

– Нет.

Жрец опешил. Царь смотрел в пол, брови его сошлись на переносице.

– Никаких игр, – сказал он без выражения. – Промедление может стоить нам больше, чем жизни.

– Но царь...

– Ты, кажется, сомневаешься в моих словах, жрец?! – в голосе царя зарокотала близкая гроза.

– Прости меня, царь! – все-таки в верховные жрецы не берут идиотов. Глофа распростерся ниц, молитвенно протягивая руки к царю. – Я всего лишь пожелал бы услышать ваше повеление о том, чем нам должно заниматься. Приказ великого царя священен для нас, ибо устами царя вещают сами боги!

Лицо царя разгладилось. Лето скривил презрительную гримасу. На лице Совы выражение не сменилось. Царь приказал очистить тюрьмы и превратить узников в солдат. И казнить любого, кто попытается что-то вякнуть. И громко протрубить о сборе добровольцев в армию. А деньги, которые должны были быть потрачены на игры, потратить на оружие и доспехи.

В общем-то, ничего странного не произошло. Какие, к гиенам, могут быть игры, когда у нас грядет очередная война? А особенно такие игры, которые предлагал Глофа. В сущности, мне было ни капельки не жаль тот сброд, который дрался для развлечения публики на аренах традиционных игр, правда в последние два года я уезжал из Тармы до того, как они начинались...

– О чем задумался, Жаба? – прервал мои мысли догнавший меня Лето.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.